

Губарев А. В.

Край стубил суровый

Сборник рассказов и стихов

Алексей Васильевич Губарев

Край сгубил суровый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48714874

SelfPub; 2019

Аннотация

Уважаемый читатель, открыв страницы сборника, вас увлечет чувственный мир русской поэзии.

Край сгубил суровый

Январской ночью в дыбу пьян

Попрусь дорогой незнакомой,

Крича проклятия кустам,

Ломаясь в шаткие поклоны.

Повиснет грустная луна,

Бросая сказочные тени.

Застывшие в оковах сна,

Посеребрят макушки ели.

Без шапки, в шубе нараспах,

По грудь увязнув в буреломе,

С застывшей песней на губах

Обмякну в голубом полоне.

Пустой борьбою изможден,

С намерзшей коркою на роже,

На рыхлый положу амвон

Изодранных ладоней кожу.

Уставшей головой паду

На обмороженные руки.

Так и усну. Очнусь в аду,

На вечные готовый муки.

Умру с улыбкой на устах,

Во мраке околев еловом.

Мороз трескучий у куста

Акафист наклубит недолгий.

Следов запутанная нить

Укажет скит души бедовой.

Могла, глупышка, жить и жить...

Да край меня сгубил суровый.

И также новая зима

Поманит пьяного в дорогу.

И так же грустная луна

Повиснет тихо над сугробом.

У иконы

Пресвятая, будь я трижды проклят,

Пропадай пристрастие моё!

Пред тобой глаза у многих мокнут,

А моим чего-то все равно.

Их немой укор не растревожит,

И ничуть не тронет скорбь очей.

Да и отогреть уже не сможет

Теплый свет мерцающих свечей.

Отщепенец, странник одинокий;

Мне судьбою кануть без следа,

Потому тропинкою далекой

И бреду неведомо куда.

Тем и бит – один парю, без стаи.

Может в том значение моё,
Забираясь в пагубные дали,
Всё искать, чем заболел давно.

А чего пробрался в мрак церковный,
Хоть каленым остриём пытай,
Не ответит дух неугомонный,
Что давно привык летать без стай.

Но зашел. Не в этом ли отрада -
Всякому дорога в Божий храм.

Или может ты тому не рада?

Или мой изъян не по зубам?

Я готов к любому приговору.

Пусть хоть что, слезы не оброну.

Только знай, пустые разговоры,

Будто Родину я не люблю.

Это все завистливая наветь,

Где несложно угадать обман.

Черной ложью голубую заводь

Непроглядный обернул туман.

Голубую заводь слёз холодных

Пламени зардевшихся рябин,

Что колышутся на глади водной

О которой знаю я один.

Из того стоит перед тобою

С гордой, непокорной головой

Тот, чей свет бессовестной молвою

Скрыт надежно липкой пеленой.

За порок любить свою Отчизну

Так, как любит только офицер.

Без остатка и без укоризны

На нелегкий каторжный удел.

Тронул низкие тучи

Тронул низкие тучи

Полыхнувший рассвет,

Патокою тягучей

Закипев вдалеке.

Над озерною гладью
Непроглядный туман
Деву в розовом платье
Выткнул пьяным глазам.

Златовласая ива,
Льет холодную тень,
Нежит плети пугливо
О молочную лень.

Тихо плещутся волны,
Накликают беду.
Под архангелов горны

В темный омут войду.

В Непорочную Деву

Взор уставлю хмельной.

Обращусь неумело:

– Не останься глухой.

Снизойди благодатью,

Я не много прошу.

Дай, дотронусь до платья.

Пусть ещё согрешу.

А потом жги укором.

Строгим взором карай.

Ничего не оспорю:

Зло стыди, зло ругай.

Мне со мною нет сладу,

Так и пышет в груди.

В том одна и отрада,

Что, вдруг, ты на пути.

Так прости мне, сестрица,

Дурь терзающих ран

И что черт утопиться

Подстрекнул пока пьян...

Влезши в омут туманный

У ивовых плетей,

Каётся в стельку пьяный

Губарев Алексей.

Помины

Навалились тучи.

Опустилась мгла.

Мятою пахуче

Сбразилась земля.

Тихо мироточат

Пламенем рябин

Золотые очи

Ропщущих осин.

Дуновенье робко

Колыхнуло даль,

Обнажил поддевку

Сонный краснотал.

Мирница нарочно

В небе пролилась;

Лето непорочный

Поминает Спас.

Грезится попойка:

Накатила блажь

Так упиться горькой,

Чтобы в одурь аж,

Чтобы взор размыла

Мутная слеза...

Осень прополощет

Пьяные глаза.

Вымокла долина.

До костей продрог.

Юркнул под калину,

Хоть давно промок.

Сидя под ветвями

Без движения,

Жалкий и непьяный

Помяну и я.

Последняя атака

Чеканит шаг. Кокарды в тульях к небу.

Перчаток белых равномерный мах.

Укрылась рожь упавшим сверху снегом,

А вдалеке маячит ель – монах.

Идем бок о бок. Два патрона в руки.

За цепью цепь под барабанный бой.

На свете вряд ли есть сильнее муки

Печатать шаг себе за упокой.

Летят колышась глаженные френчи.

Под подбородки врезались ранты.

В глазах горят усталость и презренья

Остаткам веры к образам святым.

В упор стреляют красные бандиты.

Редуют цепи. Душу тяжкий стон

Уносит в прошлое под старую ракиту,

Где нарисованных ещё не знал погон.

Один ничком упал в тысячелистник,

Другой от боли дико заорал.

И невредимым стало неприлично

Бросать на поле тех, кто умирал.

Команда: – То-овсь! И всё перемешалось.

Ура! и мат. И драка на живот.

Нас от полка десятка три осталась,

Кто не попал под красный пулемет.

Осенним днем убитые остынут.

Кровь напитает чахлую траву

Душ отлетевших невесомой силой.

И здесь цветы весной расцветут.

А нам идти на новые окопы,

Достоинством и яростью горя.

И умереть по самой высшей пробе

За Веру, за Отчизну, за Царя!

Сгораю

Пусть меня не слышали иконы,

Наживую резан пусть судьбой,

Стало горько Богу незнакомым

Угасать незримою звездой.

Потому унылою минутой
Пьян тоской пылающих рябин
Как и я без времени согнутых,
Но горящих из последних сил.

А тогда, как выпадет улыбке
Ненадолго отогнать печаль
Отрезвляют милые ошибки,
Понаделанные невзначай.

Жить пустой надеждою не ново,
Забываясь в безмятежных снах
От того, что нету в том плохого
Быть счастливым в розовых мечтах.

Крепко заболел я этой блажью.

Нет покоя от неё ни дня.

И порой становится мне страшно

От гроздей рябиновых огня.

Но всегда унылою минутой,

Окунувшись в пламенный сатин

Веток по лебязьи изогнутых,

Обессилен, будто пьяный в дым.

Так мило святое умиранье

В роковом пожарище рябин,

Что бросаюсь в жар его обманной

И сгораю без остатка сил.

А потом души растленной пепел

Воздаёт за огненный обман

Образам, которым близок не был,

И судьбе за боль глубоких ран.

Пусть немой укор лучат иконы,

Наживую режет пусть судьба;

Всё одно я Богу незнакомый

И как все исчезну в никуда.

А вы живите

Вы, верно, помните весенний сад?

Дурачась, мы гадали на монету.

Я говорил, а вы смеялись невпопад

Тюльпанов красному либретто.

Я "решки" ждал... Но выпало "орлом".

Я тяжело, а Вы легко расстались.

И долго не случалось встреч потом.

А вскоре вы внезапно обвенчались.

Как жаль, что Вы совсем ещё дитя!

Где Вам понять чужие муки,

Когда не видеть ни распятого Христа,

Ни клиньями проколотые руки.

А я истерзанных на фронте зрил.

Но всё пустое, ведь недобрый идол,

Затея на земле кровавый пир,

Христу в бессмертие путевку выдал.

И мне иное ни к чему...

Иисус за веру был распят, а я любовью.

И суждено пролиться потому

Ему давно, а мне теперь на землю кровью.

Побрившись, гордо вытянусь во фронт.

Наган уважу роковым патроном.

Затею офицерскую игру,

Как той монетой, где-нибудь за домом.

Не грех, ко лбу приставя пистолет,

Спустить курок в дурном порыве.

Чтоб эхо вскинулось тревожным: – Нет!

И вслед затаивало плаксиво.

Под стон сорвавшейся листвы,

Раскинув руки, повалиться навзничь.

И чтоб уста остатками мольбы

Печально небу улыбались.

А вы живите с черной метой.

Но лишь завидя алые цветы,

Припомните звон брошенной монеты,

"Орлом" упавшей на мои мечты.

Осени блаженство

Я многому признал несовершенство,

Хоть сам от идеала далеко.

И только тихой осени блаженство

Мне сердце сладкой болью облекло.

Ничто так глубоко не ранит душу,

Как слёзы засыпающих осин

Над золотом, теперь уже ненужным,

Пылающих смущением рябин.

И более щемящей нет минуты

Глядеть на опадающий наряд,

Как будто в сон усталостью опутан

Счастливым увязает младший брат.

Застывший взор не в силах напитаться

Стыдливостью клонящихся ветвей,

И долгий миг пытается пробраться

Сквозь сеть остановившихся теней.

Лишь теньканье напуганной синицы

Святое онемение стряхнёт,

И вдруг поймёшь, что с явью не рознится

Божественного сна печальный свод.

Как многому дано несовершенство,

Как многим к идеалу далеко,

И только тихой осени блаженство

Мне сердце сладкой болью облекло.

Однокашнику

Все в прошлом, друг, давно все в прошлом...

Спасибо, что хоть не забыл.

Ты офицером слыл хорошим,

А я карьеру загубил.

Тому вино, мой друг, причина.

Оно тот светлый господин,

Что жалует простолюдина

И всяким сбродом так любим.

Но об утрате не жалею.

И ты ушедшим не болей.

Ведь, как и прежде душу греет

В зарю поющий соловей.

Все также сыплет снег зимою,

А в дождь печалится ольха.

И кто-то с девкой под луною

Мнет прелых листьев вороха.

Ты, видно, ждешь письмом былое.

Прости, я давнее забыл.

И сон мой долог и покоен,

Когда с друзьями в ночь кутил.

Ты Родиной горел на службе.

А я, куражась в кабаках,

Сменял на легких женщин дружбу

И был героем "на словах".

И только ты нелепой просьбой

Ножом по сердцу резанул.

И стало больно, будто в кости

Гвоздей каленых кто воткнул.

Прости. Надежд не оправдаю,

А боль залечится вином.

Всего хорошего! Желаю,

Одним жить научиться днем.

Родина в снах

Гулко ахнуло в стороне,

На волнах заплясала молния.

Бил поклоны чужой стране,

А во снах все касался Родины.

Трогал кудри июльских рощ.

В одурь жалился плачем иволги,

От себя убегая прочь

И стараясь прощенье вымолить.

И так сильно горел душой,

Набивая чужим оскомину,

Что метался крича: – Постой,

Отложи по изгою помины!

Не нашло – занемог родным.

Умереть закипело преданным.

На чужбине я слыл чужим,

Но и дома был оклеветанным.

Ведь не знаешь, как болен был,

Как умею любить, не ведаешь.

Понимаю, что упустил,

За мечтой безоглядно следуя.

Каясь, многого не прошу.

Мне бы только в зеленые дали

Наяву ощутить, как гляжу,

Исцеляюсь как роц кудрями.

Вдрызг упиться бы соловьем,

Жажду глаз утолить березами

И расплакаться под окном,

Под которым хмелелось грезами.

Что старался всем доказать,

Без слезы покидая Родину?

Ах! бы вовремя тех послать,

С кем в бреду клял её колдобины.

Но шарахнуло в стороне.

Роковая блеснула молния.

Пропаду, зная, в чужой стране,

Лишь во снах прикасаясь Родины.

Помолитесь ели

Небо стало хмарким,

Сердце бьет тревогу;

Нарекла гадалка

Дальнюю дорогу.

Коль судьба расстаться:

– Прощевайте, степи.

Гордым бы остаться;

Взор слезой залеплен.

Знать, поить рассветы

Из березок соком.

Знать, облают ветры

Дальнего востока.

У реки бранчливой,
Прислонившись к ильму,
Вспомню губы милой,
Как любил их сильно.

Здесь, в краю кандалном,

Здесь, в краю суровом,

Как и все опальный,

Как и все бедовый

В мраке тихоельном

Обморожу руки,

В пламени кипрейном

Пропаду от скуки.

Хоть добром помянут,

Хоть колючим словом.

Жаркий миг настанет

Вызрею готовым:

У ольхи печалюсь

Или у осины,

С болью обвенчаться

Набожной России.

Под седой луною

Помолитесь, ели,

Чтобы и за мною

Русью так болели.

Медью, клены, плачьте,

Кровью плачь, рябина,

Пусть чего-то значу

Богу не один я.

Пожелтели осины

Пожелтели осины.

Зарядили дожди.

Выгнув тощую спину,

Дремлет конь у межи.

Золотистые ивы

Разбазарили тень.

В опустевшие нивы

Грустно смотрит плетень.

Ах, ты воля вольная,

Уголок родной!

Доля подневольная,

Песнь за упокой.

Купола церковные,

В синий рай кресты.

Тайным околдованы

У реки кусты.

Вижу, жизнь-то не сахар.

Только, брат, не робей!

Коли воин и пахарь,

Так гляди веселей.

В кабаках Русью плакал

Незабвенный Сергей.

А теперь пусть поплачет

Губарев Алексей.

Ах, ты воля вольная,

Уголок родной!

Доля подневольная,

Песнь за упокой.

Купола церковные,

В синий рай кресты.

К вере некрещеные

Тянутся кусты.

Без Родины, без флага

Роса с травы опала на погоны.

Коснулась тень рассыпанных волос.

Упал солдат без возгласа, без стона.

Упал на землю, где родился, жил и рос.

Сыновнею любовью это поле

И терпким потом павший орошал.

И кожу в язвы разъедало солью

Когда он жилы не жалея рвал.

Любил он раннюю порою

Услышать пение рассветных птиц.

А этой горькою зарею

Пал без Отчизны утром в травы ниц.

Охапкой полевого цвета

Он украшал палатку медсестёр.

Но выстрел... И поэта больше нету.

Ещё одной души угас костер.

Под красным знаменем поил себя обманом.

Под триколором ложью умывал.

И застрелился из «макара» капитаном,

Когда Россию в русском сердце потерял.

Роса слезой упала на погоны.

Коснулась тень рассыпанных волос.

Сшиб слабый лист сухой хлопок патрона,

Тряхнув нахально ветви у берёз.

Окрасив облако кровавою каймою,

Душа несчастного на небо вознеслась.

А Родина холодной рукою

Прикрыла веки... И заплакал Спас.

Сон карамельный

Мне бы смерть в карамель тянучую:

Под забором замерзнуть пьяным,

Чтобы ангелы сладко мучали

И отпет был собачьим лаем.

Чтоб скулила бессильно вьюга
От того, что пропал с улыбкой.
Чтоб рыдали над телом други,
Обметая ее накидку.

И несли на погост угрюмо,
Хоть всегда распевали звонко,
Как звенела моя рюмка,
Как печалилась она
громко.

Языками чесали много:
– Не повесился, не казнили.
А в метель утерять дорогу

Да сомлел на морозе сильном.

Измотал парю снег обильный,

Затащив под сугроб глубокий.

Убаюкал обман синий,

Припорошил следов строки.

Не судили, что был безвестный,

Что поэтом себя намыслил.

И жалели, что прожил честным,

Что беззвучный скосил выстрел...

Нет желанья беспечно трезвым

Околеть, будто пес ничейный.

А зывают души порезы

Окочуриться карамельно.

Чтобы в стужу кто одинокий,

Обходя роковое место,

Прошептал через вздох глубокий:

– Спел гулена свою песню.

Над заснеженной рожью

Над заснеженной рожью барабанная дробь

Оседает пугающе гордою смертью.

Черных френчей ряды молча шествуют, чтоб

Захлебнулись в окопах немывтые черти.

Локоть в локоть идём. Развевается стяг.

Не волнуются красных околышей птицы.

Запоздавший рассвет заиграл на губах,

Отпевая уставшие, хмурые лица.

Из окопов напротив нестройно палят.

Где-то сбоку трещит перегревшийся «Ма;ксим».

Не понять, кто тут грешен, кто девственно свят,

Тот в лаптях или я, в сапогах, напомаженных ваксой.

Скучный дождь омывает погоны штабным.

Без патронов шагаем, штыками осклабясь.

Строго держим ряды, только пули иных

Высекают порой комиссарам на радость.

Неупавший во ржи, вдруг, осел есаул.

И глаза убиенного бросили кроткий

Взор на небо... Прощаясь он тяжело вздохнул...

Вот и первый окоп.

Скинут рант с подбородка...

Через бруствер врага с верой и за Царя!

Краснопузая сволочь бежит и сдаётся.

И нестройное сиплое наше «Ура-а»

Убегающим в спины, ликуя, несётся.

На земле растеклась большевистская кровь.

Ругань, хрип, скрип зубов. Звон начищенной стали.

За Отечество, веру, за честь и любовь

Гибнуть и убивать мы смертельно устали...

Не Россия, не Бог не осудят орлов,

Что рубили с плеча и пощады не знали.

Тишину пулеметным огнём распоров,

Ведь и вы нас бессовестно, жадно стреляли.

Над окопом дрожит барабанная дробь,

Украшая Россию ненужною смертью.

Черных френчей остатки на новый окоп

Также молча идут, примеряя бессмертье.

Заболел

Не стереть – дурачился в погонах.

Оставляя Бога не у дел.

А сегодня словно тайный тронул

Или кто дубиною огрел.

Ранним утром рухнул мир покойный,

Я смертельно Русью заболел;

Иступленно в церкви бью поклоны,

Изливая боль души своей.

Обжигаясь праведным укором,

Льющим с потемневших образов,

Будто бы распят прилюдно голым,

Вою, но не разбираю слов.

В хрип ору: – Готов рабом смиренным

Оттирать замаранную честь,

И путем идти обыкновенным,

Если Божья воля на то есть.

Отчего бескрайние просторы

Не запали раньше в сердце мне?

Или за спиной таились воры,

Направляя не по той стезе?

Почему не угадал ошибки,

Усадив на шею Сатану?

Или заплутав в трясине зыбкой,

Не набрел на гать и утонул?

Этому б уму теперь погоня,

Да под боевое знамя встать.

Кажется сегодня я готовый
"Русскую рулетку" обласкать.

Но кого мои пустые грёзы
Запоздавшим обдадут огнем?

Станут ли мои скупые слезы
Горьким назиданием потом?

Потому стою под образами,
Влажные глаза уставя в пол,
Сил прося бессвязными словами
В Сатану осиновый вбить кол.

С жаром повторяю заклинанье:
– Кайся! Без остатка кайся, друг.

И горю единственным желаньем -

Преступить судьбы порочный круг.

Чтобы синей, облачную далью

Утолить печаль промокших глаз,

Чтоб однажды предрассветной ранью

Русским полыхнуть хотя бы раз.

Гибельной занозой в сердце встряла

Мне упорно нищенская Русь.

Захмелев, всю ее ругаю,

А напившись за нее дерусь.

Только не стереть душе былого,

Роковую хворь не одолеть...

Духу бы хватило с этой болью

Под иконой русским умереть.

Изгнанник

Томятся серые в безмолвии осины.

Январь окутал пихты синевой.

С березы ссыпался, искря, колючий иней

Ненужною алмазной шелухой.

Над белым мельтешат сорочки спины.

День месит солнце с бледною луной.

Похоже, ангелы справляют именины

Под опустевшею немой голубизной.

И сердцу чудится опасным и случайным

Ступать напрасно ветреной ногой

Теперь вот мне, как в прошлом каторжанам

Объевшись здесь безвкусною тайгой.

И самогон напитанный морошкой

Не вспенит жизнью изгнанную кровь.

Горсть княженики в нежные ладошки

Не соберёт в июль моя любовь.

Я здесь чужак, а там слыву изгоем.

Здесь будущность, там пройденного тлен.

Жизнь потрепала и таких, как Гойя,

Не раз заставив гордо встать с колен.

Так что и мне судьбе не покориться,

Пав жалким на колени лишний раз?

Вдруг, божьей милостью, сподобится случиться

Величием блеснуть, принизив вас.

В том нет вины каштановой аллеи

В грозу роняющей на лужи цвет,

Как, что и вы, презрев, не усмотрели,

Что ваш изгнанник – чувственный поэт.

Покаяние

Я теперь себя переиначу.

Бес души заметно подустал.

И глаза невольно часто плачут,

И не тот уже в груди запал.

Верно, это свыше назначенье

Резвый бег сменить на мерный шаг.

Ах, утеря буйного кипенья!

Ох, печали неутешной мрак.

Ничего на свете не оставит

В прах пропащая моя душа.

Ах, зачем так глупо сердце плавил

И пустым себя наобещал.

Пусть однажды душу растревожит

Купины Неопалимой цвет

И архангел Гавриил поможет

Замолить проделки юных лет.

А потом карает под иконой

Строгий лик за светлые грехи

И за то, что Богу незнакомым

Рассыпал талант хмельной руки.

Сам припрусь на тайное свиданье.

Сходу брошусь ниц под образа.

И для судей станут оправданием

Окаянные в слезах глаза.

Окрестив чело рукой дрожащей,

Испрошу прощения за то,

Что бузил душою в прах пропащей

И глушил веселое вино.

Неумело отпою молитву,

Каясь, что напрасным отгорел.

Что, валяясь пьяным под ракитой,

В одурь песни до рассветов пел.

Намолясь, себя переиначу

И судьбе безвольно покорюсь

От того, что никому не значат

Сердца падшего тоска и грусть.

Подходящая пора

Вам неприятен запах от шинели.

Воротит вид прокуренных ногтей.

Не дай вам Бог услышать вой шрапнели

И хрип пробитых пульей лошадей.

Обереги вас, милое создание,

От голода, от тифа и войны.

Под черным знаменем не раз я на свидание

К Харону шел под хохот Сатаны.

Но не пришлось на небеса взобраться.

И тем досаднее, что выживши в аду,

Виску придется с пульей целоваться

На ваш отказ. Но я его приму.

Свести однажды счета с этой жизнью

Октябрь подходящая пора.

Не ветренной погодой, не капризной...

Часов в одиннадцать, наверное, утра.

Когда подернет клёны позолота,

Утихнет звон прыскучего ручья,

Прохладный воздух слабже пахнет мёдом,

И чаще ластится туманов кисея.

– Денщи-и-ик, а ну подай скорее водки!

Надрай-ка, брат, до блеска сапоги...

И, захмелев, верст двадцать на пролетке,

Забравшись в дальний уголок тайги.

Освободив коня, иссечь беднягу плеткой,

Чтобы стрелой метнулся зверь домой.

И под березу твердою походкой,

Прильнув к стволу горящею щекой.

Рука привычно кобуры коснется,

Прохлада стали обожжет висок.

Хлопок... И с ветки желтый лист сорвется,

Недовисев и так недолгий срок.

Разбудит эхо одинокий выстрел.

Висок осенним кленом полыхнёт.

Упавшего, от удивленья пискнув,

Испуганная птаха помянёт.

А вы, любимое небесное создание,

Чье имя умирая прошепчу,

Простите неуместное свидание,

За упокой поставив тонкую свечу.

Воет Русь

То ли белены объелся сдуру,

То ли сбылся чей худой навет:

Вроде жив, а кажется, что умер;

Сердце не струит незримый свет.

Не колотится оно, как прежде

Утоленье в женщинах ища.

Будто кем в последние надежды

Воткнута прощальная свеча.

И рука незримая коварно

Держит наготове для меня

За года, что обронил бездарно,

Роковой огонь у фитиля.

Так и ждет безмолвная приладить

Пламя восковому алтарю,

Упиваясь легкою отрадой

Покарать ненадобность мою.

Ай, смешна, етит твою в качалки!

Есть ли, кроме Бога, судия?

Знаешь, глупая, твои потуги жалко,

Не замай до времени меня.

На худой конец сыщи такого,

Кто из скупости годки берег.

А со мной хоть в осень, хоть весною

Даже черт тягаться не берет.

А что сник печально головою -

Не утерей плачется душа.

Это Русь во мне беззвучно вост

Радости в просыпанном ища.

На исповеди

Тяжкий грех болеть, и не на шутку,

Если хворью чуткая душа,

Что в жестоком мире слишком хрупкой

Оказалась, светлое ища.

И когда болящая истлеет

На угольях грубого вранья,

Станет биться сердце холоднее,

Скроет взор густая кисея.

До слезы уже не растревожит

Злым вкусом черная молва.

Может не такой я и хороший,

Но и чей-то суд не про меня.

Пусть меня заманит мрак церковный,

Будто детства розовая ширь,

Заманив однажды в мир огромный,

Полный горьких тайн и грешный мир.

Вот, тогда молясь под образами,

Буду ждать, поникши головой,

Над собою справедливой кары

Уготованной немой судьёй.

Пусть укор сечет, как будто плетью,

Оставляя на душе рубцы.

Для того живу на этом свете,

Чтоб давились правдою лжецы.

Пусть распят израненной душою

На Голгофе тайного вранья.

Казнь святых мои грехи отмоет,

Отпустив на зависть воронья.

И уйду благословен иконой

На другую исповедь копить:

Как и прежде нарушать каноны,

Как и прежде бешено кутить.

Шепчет тайный:– С чертом поведися,

В кабаках судьбу всюю кляня,

А прощальный стих в небесной выси

Ангел пусть напишет за тебя.

Лишь когда утихнет сердца буйство

И сгорят последние мечты,

Отощавшее гульбой беспутство

Выброси у роковой черты...

Тяжкий грех болеть среди обмана,

Если хворью чуткая душа,

Если ложью оказался ранен,

Но, страдая, жил не клеветца.

Занемоглось сердцу

Занемоглось сердцу, заобиделось.

Нету звона прежнего в груди.

Видно, счастье глупому привиделось,

Только не смогло его найти.

Что ты, брат! пустое так горюниться.

Всякий знает – бедность не порок,

А мечты, что грезились, забудутся,

И в душе угаснет огонёк.

Не томись, что юное беспутство

Упорхнуло в розовую даль,

Что стыдиться станешь безрассудства,

Пряча взор за серую вуаль.

Отмахнись, что в рощах отсвистело.

Отпихни, чем в пепел прогорел.

Колотиться сердцу оголтело

Нет нужды, раз волос поседел.

Коль душа с прорехою досталась,

Что же попусту пустым болеть.

А когда затосковалось малость,

Лучше хряснуть горькой да запеть.

Мир светлее станет ненадолго.

Но и в этом малом благодать:

Отпевая светлых лет недолгу,

Слезы об утере проливать.

И не сторонись чужого взора.

Плачь пропажей, без остатка плачь.

Нет еще на свете тех, которых

Обошел вниманием палач.

Не с того ли сердцу заобиделось,

Затаилось не с того ль в груди,

Что когда-то глупому привиделось,

Будто счастье можно обрести?

Признание каппелевца

Не отнимайте рук холёных

От грубых окаянных рук.

Не отводите глаз зеленых

В надежде утаить испуг.

Я не питаю к вам плохого.

И верить в напускное – блажь.

Не время бы сейчас такое,
Так не ласкать бы мне палаш.

Но сын России при погонах

Да клятва батюшке Царю

Мне не велят притворно скромным

Плестись с молитвой к алтарю.

Я дрался. Часто без патронов,

Вцепившись в горло бунтарю.

И раны, проклиная стоном,

Давал понежить сентябрю.

И убивал. Такое время.

Но били и меня не раз,

Картечью нашу батарею

Лицом укладывая в грязь.

И только невесомый образ,

Как список вашего лица,

Хранил с терпением святого

Душой заблудшей мертвеца.

Отбросьте ложные сомненья.

А череп, что на рукаве...

Так нет вины – два сильных мненья

Увы, имеют разный цвет.

Не отводите глаз зеленых,

Не отнимайте нежных рук.

Как дорог ваш румянец скромный!

Как свеж слетающий с губ звук!

Коленопреклонен пред вами

Прошу не отказать руки.

Клянусь святыми образами

Вас вечность нежить и любить.

Ангелы запели

Юность удаляя бешеным пожаром

Пронеслась со свистом и пропала даром.

Оглянулся, сзади ничего не видно;

Подавилось сердце горькою обидой.

Комом встряла в горле жалость по утере.

На засове крепком в прожитое двери.

Грезилась ли радость,

Чудилась ли сказка,

Или взор укрыт был розовой повязкой?

Знать бы, не метался раненою птицей,

Подстрекая душу в кровь о прутья биться.

А забравшись в церковь, пал под образами

Да омыл недолгу буйными слезами.

Так бы гнулся в пояс, не жалея спину,

И творил молитву, пусть и пьян в дрезину,

Чтоб в церковных сводах ангелы запели

Чувственный акафист о моей утере.

Посетил бы тайный, с глаз сорвал повязку.

Снизошел скупую, да ненужной лаской.

Я б ему поведал о его обмане,

Затаивши кукиш в накладном кармане.

И бегом из храма в жуткую трясину

Так, чтоб стало тошно, как чертям в осинах.

И, не просыхая, так и сгинуть в тяжких,

Головой уткнувшись проститутке в ляжки.

Где вы легкие деньки в голубой оправе,

Где прогулки до зари с месяцем в упряге?

Обронил ли пьян в дугу, иль цыгану пропил,

Не упомяну, не пойму, как я всё прохлопал.

Где вы ноченьки мои сердце сладко жгущие,

Где та силушка в плечах, многое могущая?

Расплескал вас попусту, сдуру проворонил

На лугах просыпавшись бесшабашным звоном...

Исповедь белогвардейца

Вам не понять. С того не осуждайте,

Где отличить вам настоящий ад.

А понагрезилось, сударыня, так знайте,

Меня в упор случалось расстрелять.

Хоть говорить об этом нет охоты.

Но, любопытства успокоить жар,

Я изложу, как гибла наша рота,

И как с пробитой грудью я лежал.

Зардел рассвет, нас выстроили цепью.

Патронов нет. В штыках искрится смерть.

И злые лица озаряла светом

Незримой силы роковая бредь.

Команда: – В бой! Пошли на пулеметы.

Каре редет, знаменосец пал.

И лишь остатки выученной роты

Преодолели укрепленный вал.

Шаг всё скорее, ярость скалит лица.

Штыки, дурачась, разбирают жертв,

Заставив кровью комиссаров мыться

И лить на травы горький позумент.

Не хмурьте лба, не вскидывайте брови,

Что убивал и зверствовал порой.

Я дважды грел сыновнею любовью

Холодный бруствер в битве под Уфой.

Вы, милое созданье, просто жили,

А я на фронте дважды умирал.

И видел, как на поле трупы стыли,

И наблюдал агонии финал.

Имея право, не судите строго.

Не отводите взор тревожный свой.

Ведь я о вас мечтал и думал много

В боях за веру где-то под Уфой.

Уже убит, нашептывая имя,

В бреду ощупывал нательный крест.

И Матерь Божья даровала сыну

Уйти живым из проклятущих мест.

Так дайте шанс быть нежным и домашним.

Не убирайте теплую ладонь

Из сильных рук, что в схватке рукопашной

За веру дрались, презирая боль.

Дитя, подайтесь первому порыву.

Ненужный страх упрячьте под сукно.

Ведь предначертано, мой ангел милый,

Как мало знать вам в жизни всё одно.

Мне б других коней

Все на тройках летят.

Гривы с проседью. Чёсаны, мыты.

Бубенцов перезвон,

Лент игра, козлы да кучера.

А мои не хотят:

Опустив полинялые гривы,

Далеко позади

Волокут на телеге меня.

Застонал пристяжной,

На аллюр кое-как через слёзы.

Я хлыстом по бокам,

А в ответ только жалобный плач.

Но секу я коня,

Зубы скаля в бессмысленной злобе.

И не жаль мне коня...

Никогда не жалели меня.

Все вперёд унеслись.

По дороге осколками радость.

И доносится смех.

Там смеются над тем, кто отстал.

Не добраться до них.

На погоню совсем не осталось

Сил уже никаких,

Всё впустую давно растерял.

Ах, коней бы других!

Я бы тем не позволил смеяться.

И летел впереди,

Поднимая дорожную пыль.

Я бы не был так тих.

Я б кусался, лягался и дрался,

И не дал никому

Дорогих упряжных обойти.

Чем так не угодил?

От чего негодящая пара?

В общем, дрянь.

Не гнедые, не в яблоках. Не рысаки.

И лететь не хотят

Два безродных каурых, без жара.

И на впалых боках

Беспокойные ребра видны.

Наконец привезли...

В серой дымке веселая стража.

И короткое «АД» на воротах,

А дальше котлы.

Здесь все занято, брат,

Чуть левее тебе бы взять надо.

Повертай лошадёнок,

Пустуют у Бога сады.

Я давай повертать.

Только лошади, вдруг, ни в какую...

Кнут им спины в рубцы,

Так что брызнула черная кровь.

С белой пеной в губах,

Пропотевших и ржащих, ликуя

Осажу я коней

В обезлюдивших райских садах.

Осадив, закурю.

Засмотрюсь на пенаты святые.

Улыбнусь херувимам,

Согнусь перед Богом в поклон.

И негромко спрошу:

– Ваша ль прихоть, Владыче Земные,

Что внизу мы с клыками,

И веря обману живем?

В осеннем саду

У ограды просящий

Божьей милости ждёт.

Страждущий да обрящет,

Ищущий да найдет.

Поржавевшие травы,
Догорающий клён.
Тонкий месяц Лукавым
В сизый мрак погребён.

Тучи темные чаще

Высекают грозу.

Льют осинники вяще

Золотую слезу.

Не оплавит зеницы

Утихающий жар.

Пил отвар медуницы

И кипрея в угар.

А теперь не хмелею,

Воздух редок и чист.

Об ушедшем жалеет

Вдалеке гармонист.

В небе клёкот орлицы

Ворожит на судьбу:

Мир тебе под Божницей,

Упокоясь в гробу!

В позолоченной роще

Переклик звонарей.

Русь поет некрещеный

Губарев Алексей.

Н...ой

Простите, что я вас не беспокою.

Что делать – вас, увы, обрёл другой.

Вы, верно, любите его. А я того не стою -

Непризнанный поэт ведь звук пустой.

Простите; есть за что просить прощенья.

Я преступил законы естества:

Вы жаждали игры и обольщенья,

А мне претит бестактность удалства.

Я Вас люблю той тихою любовью,

Которая присуща матерям,

Сидящим в час ночной у изголовья

И глядящим мальчонку по вихрам.

Незримому счастливое не тронуть,

Не разорвать чувств искренних союз.

Когда смеются двое, третий стонет

Не смея опорочить брачных уз.

И посему, взор обращая небу,

Молю: Не знайте о моей любви....

А что я был – сочтите, будто не был,

От лишних распрей душу оградив.

Нелепую любовь мою простите,

И что не к месту так преступно тих.

Но приведётся, всё-таки прочтите

Непризнанной руки неловкий стих.

Ах, зачем гнал коня

Ах, зачем я гнал коня?

Плетью в такт стегал, что хлопья пены с крупа.

Так, что с губ тягучая слюна...

И загнал коня. Как это глупо!

Конь, мой конь с просевшей спиной,

Загнанный нагайкой, непокорный.

Нет, не отпоить тебя водой,

Не вернуть и прыти лани горной.

Не меня ты слушался, а плеть.

Дай-то волю, седока б о землю,

Не желая под кнутом лететь.

Но летел, в клочки взрывая землю.

А сейчас и хочешь понести,

Да куда!... загнал тебя хозяин.

И на бойню мыслит отвести,

Сострадания не разбирая.

Не взбрыкнуть малиновой зарей,

Не лететь тебе со ржанием над степью,

Непокорный, загнанный зверь мой

Жгучей кожаной плетью.

Ах, кандальная твоя душа!

Нет чтоб табуном гулять на воле,

Продали тебя за два гроша.

Но не знали, что ты стоишь боле.

Потому, как вор на образа,

Как ни пыжусь, всё не пересилю

Заглянуть в печальные глаза,

Что меня из под кнута любили.

Конь, мой конь, за чем я гнал тебя

Плетью в такт, что хлопья пены с крупа,

Так, что с губ тягучая слюна...

И загнал тебя... Как это глупо!

В лугу провыла тетива

И мне досталось Родины чуть-чуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.